

Z не позволил Юлиану вернуться в свою каюту, заявив, что в космосе нет ничего более неконтролируемого, чем пьяный человек. Юлиана пристегнули к креслу безопасности в каюте Z, где он оставался до тех пор, пока «Альберт» не покинул орбиту Венеры и не лёг на курс к марсианской станции снабжения. Опьянение вперемешку с невесомостью заставляли Юлиана чувствовать себя настолько скверно, что он уподобился вялому слизню, однако Z оставался непреклонен. Включив искусственную гравитацию, он с ледяным спокойствием наблюдал, как Юлиан в обнимку с вакуумным унитазом в его каюте до потемнения в глазах выблёвывает содержимое своего желудка.

— Я хочу принять душ, — вяло пробормотал Юлиан.

— Обойдёшься, — хладнокровно отрезал Z. — Ты пьян, это небезопасно.

Юлиан широко раскрыл глаза, но тут же понял, что спорить бесполезно. Еле слышно вздохнув, он опустил голову, влажные каштановые пряди упали на его глаза. Ему потребовалась вся выдержка, привитая домашним воспитанием, чтобы просто стоять на ногах и не рухнуть прямо на унитаз. Он чертовски устал.

Юлиан слышал, как Z с лязгом чинил что-то, но у него совершенно не было сил проявлять любопытство. Привалившись к стене, он медленно сполз вниз и осел в углу. Если бы отец увидел его сейчас, он был бы крайне разочарован, но тот уже никогда его не увидит. Юлиан не знал, должен ли он сожалеть об этом.

Прежде чем Юлиан успел уснуть прямо на полу, Z ткнул его носком ботинка в голень. Юлиан недоумённо поднял голову.

— Десять минут, — произнёс Z и кивнул в сторону ванной.

Там не было ни ванны, ни классического душа — только работающая система мелкодисперсного распыления. Это было совсем не то, чего хотел Юлиан, но в данный момент и этого было более чем достаточно.

— Спасибо, — сказал Юлиан. Z ничего не ответил.

Когда Юлиан, вымывшись, вышел из ванной, Z сидел на кровати, уткнувшись в свой терминал. Дверь главной каюты была заперта, и он явно не собирался выпускать Юлиана. Тот побродил по комнате и решил сесть на пол поближе к изголовью кровати. Температура в каюте Z была слишком низкой, поэтому он поёрзал, устраиваясь поудобнее, и плотнее закутался в халат.

С этого ракурса было отлично видно экран Z, и Юлиан осторожно подался вперёд. Z не стал возражать и даже слегка наклонил экран в его сторону. На дисплее отображался расчётный маршрут «Альберта». Юлиан отметил про себя, что они попали в весьма удачное стартовое окно. Венера и Земля находились в невыгодном положении, но, к счастью, ожидаемый угол между Марсом и Сатурном был идеальным, а Юпитер располагался чуть в стороне. Учитывая

высокую манёвренность «Альберта», им не требовался гравитационный приём для разгона, и избежать гравитационного колодца Юпитера, возможно, было даже к лучшему.

Судя по маршруту, «Альберт» должен был пополнить припасы на Марсе, а оттуда отправиться к спутникам Сатурна. Если всё пойдет по плану, путешествие завершится через полгода. Юлиан мог бы произвести более точные расчёты, если бы не был так пьян.

— Ты изучал математику, а ещё инженерию, — внезапно заговорил Z. — Ты понимаешь эту карту маршрута.

Юлиан моргнул:

— Ну да.

— На ней нет никаких пометок, — сказал Z. — Даже среди профессиональных космических ковбоев едва ли двадцать процентов способны прочитать проложенный мной маршрут, а ты — абориген системы Земля-Луна. Насколько ты умён? Умнее среднестатистического человека?

Одурманенный алкоголем, Юлиан с любопытством спросил:

— Это какой-то тест? Если ответу неправильно, меня вышвырнут за борт?

— Нет, — ответил Z. — Это определит, станешь ли ты моим пассажиром или грузом.

Юлиан рассмеялся:

— Чтобы стать грузом, мне придётся переехать в грузовой отсек?

— Ты так и не ответил.

— Я не знаю... Возможно, немного умнее, но ненамного, — осторожно ответил Юлиан. — Я набрал 165 баллов в тесте фон Неймана, полагаю, это означает, что мой уровень IQ входит в 5% самых высоких.

— Пфф, тест фон Неймана, — с издевкой повторил Z. — Нет, это означает, что вероятность того, что твой IQ выше контрольного значения, составляет 95%.

— А есть разница?

— Есть. Классическая теория вероятностей и байесовская интерпретация. — Увидев удивление на лице Юлиана, Z закатил глаза: — И зачем я тебе это объясняю? Сбежавшая жёнушка

деспотичного императора. Возможно, весь твой интеллект выше среднего уходит исключительно на привлечение мужского внимания.

Алкоголь и аэрозольный душ расслабили Юлиана, и он не стал огрызаться в ответ на эту едкую насмешку. Вместо этого он задумчиво произнёс:

— Мне кажется, ты переходишь на личности.

— Тебе не кажется, я именно это и делаю.

— Но с посредником ты так себя не вёл. Почему? — Юлиан приподнял бровь, находя в этой словесной пикировке скорее забаву, чем оскорбление. В шутку он добавил: — Я склоняюсь к мысли, что это проявление латентной гомофобии.

— Не пойми меня неправильно, я не гомофоб, — ответил Z. — Пока ты не подкатываешь ко мне, я не гомофоб.

— Ты не опроверг часть про «латентную».

— Так вот в чём ты силен? — усмехнулся Z. — В софистике? Этим ты и очаровал Его Величество?

— Ты по-прежнему на меня нападаешь, — заметил Юлиан. Алкоголь замедлил его мысли, но не парализовал их полностью. — Я считаю это контратакой. Я заработал очко, верно?

Z снова закатил глаза:

— Мне не нужны причины, чтобы нападать на тебя. Оставь свои штучки при себе. Подчеркну ещё раз: я не собираюсь быть для тебя запасным вариантом. Ни для секса, ни для романтических отношений — ни для чего.

Юлиан и не думал рассматривать его в качестве кандидата. Он усмехнулся:

— Почему?

Z придвинул экран обратно к себе:

— Потому что я очень занят.

На следующее утро, проснувшись, Юлиан не сразу понял, где находится. Он спал так крепко, что, пробудившись, едва помнил, кто он такой. Лишь спустя несколько минут до него дошло, что он в каюте Z. На кровати. Z же, свернувшись калачиком в кресле безопасности и обняв свой терминал, обернулся на шум.

— Напился в стельку и оккупировал мою кровать, — заявил Z.

— Мне очень жаль, — сказал Юлиан. Но на самом деле ему было ни капли не жаль. Он ещё не до конца проснулся и хотел лишь зарыться лицом обратно в тёплое одеяло. Ему определённо следовало бы поменяться с Z каютами, здесь было так уютно.

Очевидно, Z не собирался предоставлять ему такую привилегию. Он грубо всучил Юлиану алкотестер, и, убедившись, что показатели в норме, открыл дверь главной каюты, безжалостно выставляя гостя вон.

Юлиан покинул каюту вместе с ним, но, прежде чем вернуться к себе, заметил, что Z направился вовсе не в сторону рубки. Они целую неделю бок о бок находились на небольшом космическом корабле, но он по-прежнему ничего не знал о Z, не знал его увлечений, привычек, и даже о самом корабле не имел ни малейшего представления. Поравнявшись с ним в коридоре, Юлиан спросил:

— Ты куда?

Он не рассчитывал на ответ, однако Z остановился, обернулся и бросил:

— Сажать овощи.

В отличие от рубки, расположенной в гравитационном отсеке, машинное отделение находилось в невращающейся зоне на центральной оси «Альберта», и искусственная гравитация на него не действовала. В коридоре перед машинным отделением парило кольцо емкостей для гидропоники, в которых буйно разрастались растения всевозможных видов и расцветок, названий которых Юлиан даже не знал. Космос — не Земля, и отсутствие атмосферы в сотни раз повышало вероятность мутаций из-за космического излучения. Чтобы сохранить стабильность признаков, растения на корабле не могли размножаться собственными семенами, да и хранить семена долгое время было нельзя. Все эти пышущие здоровьем ростки явно проросли из семян, которые Z специально закупал при каждой стоянке. Z небрежно сорвал какой-то бледно-красный плод и кинул его в сторону Юлиана, который в спешке его поймал. Он попробовал откусить кусочек — это был какой-то незнакомый фруктовый перец. Вкус оказался весьма необычным: ярко выраженная острота с едва уловимой фруктовой сладостью.

Z ловко лавировал между рядами контейнеров, а Юлиан остановился на месте, задрал голову и наблюдая за ним. На центральной оси и на потолке было прикреплено несколько фиксаторов для ног, а кофейная кружка и коммуникатор, которые Z держал при себе во время смены орбиты, держались поблизости на магнитах. Это тесное пространство куда больше походило на постоянное место обитания Z, нежели главная каюта.

Z не стал его звать, и Юлиан, понаблюдав немного, слегка оттолкнулся от стенки, пытаясь последовать за ним. Без должной подготовки к передвижению в невесомости и отсутствию опор он пару раз врезался в стены, прежде чем постепенно уловил суть и понял, как контролировать своё положение в пространстве. Просчитав траекторию, он осторожно перелетел от внешней стены машинного отделения к центральной оси, миновав ряды гидропонных ёмкостей, не задев ни одну из них. В качестве награды Z перехватил его руку, позволив Юлиану врезаться в его объятия, а не в стену центральной оси.

В отличие от быстро вращающейся гравитационной зоны, снаружи машинного отделения были иллюминаторы. Юлиан зацепился носками ботинок за фиксатор и выглянул наружу: перед ним расстилался крошечно-чёрный космос. Этот вид, пожалуй, можно было сравнить с ночным небом Земли до того, как его затянуло ядерными тучами. У них были звёзды и нежные, полные жизни растения. Юлиан начал понемногу понимать, почему Z так нравилось это место.

Подражая Z, он закрепился в фиксаторах для ног. Мимо него, под идеальным углом проплыл кустик клубники, точно так же, как тот куст с перцем проплыл мимо Z, и его раскидистые листья едва не щекотали Юлиану нос. Вспомнив движение Z, он с интересом скопировал его, сорвав одну ягодку, но тут же обнаружил, что плод ещё не созрел. Глядя на удаляющуюся пустую ветку, Юлиан ощутил лёгкий, почти неуловимый укол вины. В конце концов, эти растения тоже изо всех сил боролись за жизнь, а Z наверняка тщательно за ними ухаживал. Движимый искренним желанием как-то загладить вину, Юлиан поинтересовался:

— А как именно нужно... ну, я имею в виду, ухаживать за всем этим?

Z вскинул бровь, явно застигнутый врасплох этим вопросом, и сухо ответил:

— Открыть инкубатор для рассады и включить систему циркуляционного полива.

Юлиан опешил.

— И ещё вовремя собирать... вовремя есть, — добавил Z.

Юлиан больше не мог сдерживать эмоции. Его губы растянулись в широкой, искренней, весёлой улыбке, и он рассмеялся так, что едва не потерял равновесие. Он перевернулся на пол-оборота на фиксаторах для ног, так что иллюминатор оказался под подошвами его ботинок. Прямо над его головой пролетели кустики клубники, и в это мгновение их корни были обращены к бескрайней россыпи звезд.

Так Юлиан взял на себя заботу о грядках.

Несколько дней Z с подозрением контролировал процесс, но, обнаружив, что растения растут даже лучше, чем под его собственным присмотром («Почему?» — «Может, потому что я пою им колыбельные?»), с неохотой отстранился от дел, хотя уходить всё равно отказывался. Он то сидел в машинном отделении, нежась в компании двигателей «Альберта», то, сорвав пару помидорок черри в этом городе гидропонных контейнеров, читал какую-нибудь случайную книжку. В такие моменты Юлиан, подобно радостной пчёлке, порхал между рядами растений, тренируясь в передвижении в невесомости, и по мере необходимости удалял или подсаживал нужные овощи.

Z решил, что это означало, будто изнеженный цветочек, земной абориген Юлиан наконец-то адаптировался к жизни в космосе, но на деле до этого было ещё далеко. На второй неделе после отбытия с Венеры Z снова застукал Юлиана за выпивкой. Повторяем: «Альберт» не терпит пьяниц, это вопрос принципа.

— Выпивка, — недоумевал Z. — Откуда ты её достал? На «Альберте» нет алкоголя. То есть, спирт есть, но выпивки нет. Да еще и в таких количествах — это просто невозможно.

Слегка захмелевший Юлиан, подперев подбородок рукой, с улыбкой смотрел на Z:

— Может, я сварил это сам?

Z закатил глаза.

— На Венере, — честно признался Юлиан. — Ты дал мне посадочный код на «Альберта», и, воспользовавшись парой лазеек в системе, я оформил себе удостоверение члена экипажа с правом на закупку грузов. Выпивку доставили на борт вместе с топливом, ну и ещё кое-какие мои личные вещи... Если бы я только знал о грядках, я бы заранее купил ещё и семян овощей.

Z уставился на Юлиана сложным взглядом, в котором мешались потрясение и раздражение. Тот лишь почесал нос и опустил голову.

— Раз ты такой умный, как же ты докатился до того, чтобы топить печаль в вине? — саркастично бросил Z.

— Я не знаю. — В голосе Юлиана непроизвольно проскользнули растерянность и тоска. Он уткнулся лбом в собственное запястье. — Наверное, просто потому, что я человек. Я всё время кое-кого вспоминаю.

Z бросил на него равнодушный взгляд:

— Если хочешь, мы можем прямо сейчас изменить курс и вернуться на Землю.

— Нет! Зачем? — Юлиан в шоке подскочил с кресла, и лишь секунду спустя осознал, что слова Z были сказаны в сердцах. Он слегка прикусил губу, не понимая, стоит ли вообще обсуждать с Z эту тему. Спустя мгновение он вздохнул: — Это не те воспоминания... Они плохие. Он разрушил мою веру в людей. Вчера в баре я, честно говоря, подумывал о том, чтобы найти кого-нибудь и просто выговориться. Но нет, нельзя. Будь они красивыми, обычными, хитрыми или наивными... Ни с кем. Я боюсь. Он уже проверял меня таким образом. Те, кто пытался со мной заговорить... я знал, что они понятия не имеют, кто я такой, но всё равно не смел верить ни единому их слову.

Z приподнял бровь:

— А мне ты, значит, вполне доверяешь.

— Это другое, — машинально возразил Юлиан, хотя одурманенный алкоголем мозг не сразу смог сформулировать, в чём именно заключалась разница. Он покачал головой, пытаясь перевести разговор в шутку: — Как я уже говорил, у геев тоже есть свои стандарты красоты.

— Вот и славно, — холодно фыркнул Z.

Юлиан усмехнулся:

— Не принимай близко к сердцу. Полагаю, я просто... пока ещё не могу отпустить прошлое.

— Не можешь отпустить? Чего там отпускать? Ты вообще понимаешь? Мы отправимся туда! — Z внезапно завёлся и повысил голос. — На Сатурн! Сатурнус! В место, куда не ступала нога верховного божества, туда, куда твой драгоценный император никогда в жизни не доберётся! И мы будем там!

Примечание переводчика. В римской мифологии Сатурн был свергнут Юпитером, его сыном, и отправлен в изгнание. Юпитер после этого стал новым правителем богов, верховным божеством.

Юлиана слегка напугал его напор:

— Я знаю, я видел его на голографических видео...

Z презрительно фыркнул при упоминании голограмм:

— Это бессмысленно, это ненастоящее. Олдрину обещали колонию на Марсе, а в итоге он получил Facebook. Посмотри, в какое болото загнали себя люди. Голографические видео как утешительный приз, но ты не должен довольствоваться им ещё до начала игры. Ты должен сам отправиться туда! Эти пещерные аборигены, навечно застрявшие на Земле, предпочитают играть в политические игры в голограммах, используя вместо фишек никому не нужную

макулатуру. Им просто не дано постичь очарование Вселенной.

Примечание переводчика. Базз Олдрин — второй человек на Луне, активно выступавший за колонизацию Марса.

Юлиан понимал, что имел в виду Z. «Альберт» был живым воплощением пределов человеческих технологий. 0,3% от скорости света — последняя надежда человечества, но даже эта скорость была настолько мучительно медленной, что повергала в отчаяние. 0,3% скорости света означали, что релятивистские эффекты были незначительными, и время на корабле текло так же, как на Земле. Это также означало, что при самом идеальном взаимном расположении планет путь от Земли до Марса занимал 1 день, а до Сатурна — 17 дней. Дальше, до пояса Койпера — 100 дней, а до Облака Оорта на краю Солнечной системы — 200 лет. Что уж говорить о ближайших звездах и экзопланетах земного типа? Больше 1000 лет.

С тех пор ни один новый проект пилотируемых полётов в дальний космос не получал финансовой поддержки. Среди трёх политических блоков, сформировавшихся после Третьей мировой войны, Азиатская федерация сосредоточила свою космическую программу на освоении солнечной энергии, поставив главной целью строительство сферы Дайсона. Панамериканская Республика унаследовала от NASA проект освоения Меркурия, но он практически загдох, и от всей космической программы остался лишь завод по обогащению урана на Венере. Высокие затраты на топливо и низкая рентабельность заставили Европейскую конфедерацию независимых государств в начале века объявить об отказе от освоения внешних планет. За полвека до этого они уже неоднократно отменяли отправку подкреплений колониальным флотилиям на газовых гигантах — по сути, бросив авангардные флоты на верную смерть на спутниках Юпитера и Сатурна.

Упадок космических программ и стремительное развитие технологий виртуальной реальности произошли практически одновременно. Мощности, высвободившиеся после сокращения космических программ, были полностью переориентированы такими коммерческими империями, как «Америнка», и вложены в информационную индустрию и индустрию развлечений. По сравнению с тем годом, когда родился Юлиан, количество зарегистрированных космических ковбоев в Альянсе Солнечной Системы сократилось на два порядка, а последний новый маршрут был проложен шестьдесят лет назад. Для большинства ровесников Юлиана познания о космосе ограничивались голограммами и туристическими рейсами в пределах системы Земля-Луна. Границы человеческой активности сузились с Сатурна (в 10 раз превышающего расстояние от Земли до Солнца) обратно до Марса (в 1,5 раза превышающего это расстояние). Никто не стремился за пределы Марса — этот безмолвный глубокий космос уподобился Лациуму, месту изгнания Сатурна, куда не заглядывают верховные боги. И Юлиан тоже был одним из таких земных аборигенов, пока не оказался вынужден встать на путь изгнания.

— Значит, ты недолюбливаешь человеческое общество, — задумчиво произнёс Юлиан.

— А что интересного в людях? — вяло отозвался Z. — Горы там, звёзды — тоже там. Если не стремиться к ним, то чем мы лучше инфузорий-туфелек? И те, по крайней мере, пытаются расширить ареал обитания до новой канавы.

Юлиан приподнял бровь:

— Говоришь так, будто ты сам не человек.

— Человек, — ответил Z. — И именно поэтому я как никто другой понимаю, что в людях нет абсолютно ничего интересного. И я сам — тоже абсолютно не интересен.

— Ты очень интересный, — возразил Юлиан. Алкоголь придал ему легкомыслия, и он протянул руку, пытаясь дотронуться до щеки Z: — Ты — придурок. Очень интересный придурок.

<http://bllate.org/book/17728/1660153>